

МЕТОДОЛОГИЯ

А.Я. РУБИНШТЕЙН

К теории рынков опекаемых благ**Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ***

Представляя “экономическую социодинамику”, отмечу, что ее теоретическое ядро определяет новая парадигма – переход от методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности индивидуальной и социальной полезности, допускающему существование групповых предпочтений наряду с предпочтениями индивидуумов¹. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Формируемые в различных институциональных средах, эти интересы *несводимы* друг к другу.

Концепция экономической социодинамики

Опыт обсуждения данной концепции свидетельствует об уместности нескольких специальных замечаний. Во-первых, имея в виду категорию несводимых интересов, отмечу, что речь идет о двух параллельных процессах – о рыночной и политической ветвях формирования общественных интересов. Понятие несводимости в данном контексте означает лишь то, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидуумов, выявляемых рыночным путем, то есть не могут быть представлены в виде какого-либо их агрегата. В том числе и поэтому для экономической социодинамики характерно использование принципа комплементарности индивидуальной и социальной полезности и наличие двух классов соответствующих функций.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что сам факт существования интереса общества как такового никак не означает подчинения ему интересов индивидуумов. Ибо дополнение индивидуальных предпочтений автономным общественным интересом не влечет за собой никакой иерархии. Более того, одна из базовых предпосылок данной концепции – суверенитет индивидуумов и возврат в рыночной ветви формирова-

* Статью 1 см. “Общественные науки и современность”. 2009. № 1.

¹ Эта концепция представлена в журнальных статьях [Гринберг, Рубинштейн, 1997; 1998; Рубинштейн, 2005; 2006; 2007] и специальных монографиях, изданных в России и за рубежом [Гринберг, Рубинштейн, 2000; 2008; Рубинштейн, 2003; 2008; Grinberg, Rubinstein, 1999; 2005].

ния общественных интересов к паретианскому табу на межличностные сравнения полезности. В этом, в частности, проявляется коренное отличие концепции “экономической социодинамики” от любых теорий, устанавливающих примат общественных интересов. Отсутствие подобной иерархии позволяет экономической социодинамике, даже отказываясь от методологического индивидуализма, оставаться в границах неоклассики.

В-третьих, в рамках используемой парадигмы комплементарность полезностей трансформируется в комплементарность субъектов рыночного обмена: совокупность индивидуумов дополняет государство, выступающее как институт общества и от его имени в роли некоммерческой организации, миссией которой является реализация несводимых общественных интересов. Такое расширительное толкование неоклассической модели позволяет в ином свете увидеть и само государство, находящееся не где-то за пределами рынка или над рынком, а органично в него встроено.

Опираясь на эти общие положения экономической социодинамики, имеет смысл вновь рассмотреть основные особенности рынка опекаемых благ. Однако теперь речь пойдет о социодинамической версии ответов на те же самые исходные вопросы, посвященные критериям принадлежности товаров и услуг к классу опекаемых благ, мотивам их общественной опеки и экономическим решениям, обуславливающим использование тех или иных механизмов общественной опеки.

Мажорирующее свойство. Повторю, в соответствии с положениями “экономической социодинамики” государство – рыночный игрок, стремящийся к реализации несводимых интересов общества. И в этом смысле социальная полезность товаров и услуг, их способность удовлетворять несводимые общественные интересы суть ключевая категория данной концепции [Гринберг, Рубинштейн, 2000; Рубинштейн, 2003; 2008]. Сравнивая этот вывод с дефиницией благ, находящихся под общественной опекой, можно обнаружить, что социальная полезность товаров и услуг является одновременно и признаком их принадлежности к классу опекаемых благ. Иначе говоря, можно считать справедливым следующее общее утверждение: для того, чтобы товар или услуга принадлежали к классу опекаемых благ, необходимо и достаточно, чтобы они обладали социальной полезностью².

Учитывая, что социальная полезность служит маркером для любого вида товаров и услуг, находящихся под опекой общества, можно показать, что данное свойство является универсальным признаком для всего класса опекаемых благ, и в этом смысле оно мажорирует все другие “локальные” признаки принадлежности к данному классу. Это относится к общественным и мериторным благам, к продуктам “баумолевской экономики”, к товарам и услугам, генерирующим рыночные провалы, и т.п. Социальная полезность выступает здесь в качестве универсального критерия. Например, если благо проявляет два известных свойства неисключаемости и несоперничества в потреблении, но не обладает социальной полезностью, то оно остается вне общественной опеки³.

Универсальный мотив. Напомню, что в соответствии с неоклассической теорией мотивация государственной активности обусловлена не интересами общества как такового, а особыми функциями государства, выступающего в роли патронажной сестры подслеповатой руки провидения, нанятой для устранения “ошибок рынка”. Один из наиболее ярких представителей этого мировоззрения М. Олсон писал: “Если рыночные механизмы никогда не дают сбоев, тогда нет и нужды в государственных структурах, поэтому необходима концепция ошибок рынка для соответствующей

² Доказательство этого утверждения достаточно тривиальное. Очевидно, если благо обладает способностью удовлетворять несводимые интересы общества, то оно автоматически попадает в класс опекаемых благ. И наоборот, всякое опекаемое благо по определению обладает социальной полезностью.

³ Благодаря работе С. Кирдиной, такие товары и услуги вошли в научный оборот как коммунальные блага [Кирдина, 2000, с. 39].

щей нормативной теории государства” [Olson, 1986, p. 120]. Комментируя данный тезис, подчеркну, что при трактовке “ошибок рынка” избыточно широко – не в традиционном смысле исключений из общего правила (наличие монополии, экстерналий, информационной асимметрии), а в буквальном смысле этого слова, имея в виду любое нормативно неэффективное распределение ресурсов, – общая концепция ошибок рынка и соответствующая ей теория государства становятся необходимыми. Этот вывод я готов поддержать с энтузиазмом.

И меня заботит мотивация государственной активности. В поисках решения этой задачи Олсон расширил понятие ошибок рынка и одновременно сузил его, описав в терминах общественных товаров [Olson, 1986, p. 121–124]. Не погружаясь в детали теории Олсона и не дискутируя с ним, укажу на возможность принципиально иного решения, предложенного концепцией “экономической социодинамики”. В соответствии с ней несводимый к индивидуальным предпочтениям общественный интерес есть универсальный мотив для активности государства, стремящегося максимизировать функцию социальной полезности. И там, где такой интерес возникает, имеет место распределение ресурсов, не соответствующее социальному оптимуму. Завершая данный сюжет, сформулирую вывод в стиле Олсона: если нет соответствующих интересов общества, то нет и ошибок рынка и нет нужды в государственных структурах.

Обобщение модели Викселля–Линдаля

Показав, что универсальным признаком опекаемых благ служит их социальная полезность, то есть способность удовлетворять интерес общества как такового, а сам этот интерес – универсальный мотив для вмешательства государства, которое, будучи автономным субъектом рынка, стремится максимизировать свою функцию полезности, нетрудно ответить и на третий вопрос, сформулировав общее экономическое решение для любых разновидностей рынков опекаемых благ. Речь идет о построении такой модели, где рыночное равновесие формируется с учетом как индивидуальных предпочтений, так и феномена общественной опеки этих специфических благ.

Опираясь на разработки такой модели в рамках общей аксиоматики экономической социодинамики [Grinberg, Rubinstein, 2005; Рубинштейн, 2008] и имея в виду тот факт, что все товары и услуги, находящиеся под общественной опекой, обладают социальной полезностью, можно было бы выписать для них соответствующие условия равновесия [Рубинштейн, 2008]. Однако, исходя из задач настоящей работы, имеет смысл повторить всю цепочку последовательных шагов построения обобщенной модели Викселля–Линдаля применительно к рынку опекаемых благ.

Исходные предпосылки. Рассматривая в качестве универсального мотива опеки максимизацию социальной полезности, надо иметь в виду необходимость включения в анализ рыночного равновесия двух, качественно разных, интересов U_I и U_S . Один из них представляет собой агрегат индивидуальных предпочтений, трансформируемых механизмом невидимой руки в интерес $U_I = f(U^1, U^2 \dots U^K)$, где U^k – функция полезности k -го индивидуума⁴. Другой – отражает предпочтения общества как та-

⁴ Строго говоря, здесь нужно говорить о множестве агрегатов $U_g^I = f_g(U^1, U^2 \dots U^K)$. Для выбора одного из них невидимой руки явно недостаточно. Теория решает данный вопрос по-разному, но всегда на основе каких-то дополнительных предпосылок. Например, с помощью функционалов бергсоновского типа или оценок самуэльсоновского эксперта по этике, допускающих межличностные сравнения полезностей. Для простоты изложения агрегат индивидуальных предпочтений U_I буду называть в дальнейшем предпочтениями “мегаиндивидуума”.

кового U_S , формируемые в границах и посредством существующей политической системы⁵.

Иначе говоря, предпочтения U_I и U_S – результат “работы” двух институционально разных ветвей формирования интересов социума, каждая из которых порождает свои, несводимые друг к другу, интересы. Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая отражает процесс зарождения, распространения и актуализации интересов общества как такового посредством институтов политической системы. При этом интерес U_S трансформируется в потребность общества в увеличении объема опекаемого блага по отношению к той величине, которая соответствует рыночному равновесию между исходным предложением этого блага и совокупным спросом индивидуумов [Рубинштейн, 2008]⁶.

Поэтому можно исходить из того, что интерес U_S материализуется в форме дополнительного спроса, предъявляемого государством – меритором в отношении опекаемого блага Q . В подобной ситуации рыночный агрегат предпочтений индивидуумов U_I дополняют общественные предпочтения U_S , отражающие стремление общества к увеличению потребления опекаемого блага Q , причем теми же самыми индивидуумами, интересы которых представляет мегаиндивидуум. Неоднородность этих интересов U_I и U_S порождает проблему их суммирования, то есть ставит модельную задачу построения агрегированной кривой совокупного спроса, учитывающую предпочтения мегаиндивидуума и меритора.

В связи с этим надо обратить внимание на следующий феномен. Возникновение интереса U_S в дополнение к интересу U_I в отношении опекаемого блага Q и появление отвечающих за эти интересы пары игроков – меритора и мегаиндивидуума сопровождаются мутацией самого блага Q . Я имею в виду приобретение данным благом свойств общественного товара. В этом нетрудно убедиться, если проанализировать характер потребления мегаиндивидуумом и меритором опекаемого блага Q . Очевидно, что для указанной пары игроков оно может быть только совместным и равным. Последнее утверждение требует определенных пояснений.

Центральная лемма. Начну с того, что в основе интереса U_S лежит не сам феномен потребления опекаемого блага Q , а нормативные установки социума по поводу уровня потребления данного блага. В этом случае наблюдаются два результата: наряду с удовольствием индивидуумов имеет место удовлетворенность их сообщества в целом общим уровнем потребления указанного блага. Иначе говоря, опекаемое благо Q входит одновременно в обе функции полезности: мегаиндивидуума и меритора. Причем без потребления блага Q индивидуумами не может удовлетворяться интерес общества, и чем больше достается индивидуумам, тем в большей степени реализуется и общественный интерес. Указанные свойства, собственно, и превращают опекаемое благо Q в общественный товар, который мегаиндивидуум и меритор потребляют только совместно и в равном количестве.

Общий вывод сформулирую в виде *центральной леммы*. Если индивидуумы из множества K имеют предпочтения $U^1, U^2 \dots U^K$ в отношении частного товара Q и

⁵ И в данном случае надо говорить о множестве несводимых интересов $U_1^S, U_2^S \dots U_r^S$, где U_r^S – r -ый интерес общества как такового. Возможность построения их некоего агрегата U_S на основе введения иерархии или порядковых соотношений для всей совокупности несводимых интересов общества будет рассмотрена позже. Здесь же замечу, что общественные предпочтения U_S буду называть в дальнейшем предпочтениями “меритора”.

⁶ Внимательный читатель увидит здесь параллели с дефиницией Э. Линдаля: “общественные потребности являются коллективными в том смысле, что коллективный элемент должен относиться к благам, на которые направлены эти потребности” [Lindahl, 1919, S. 57].

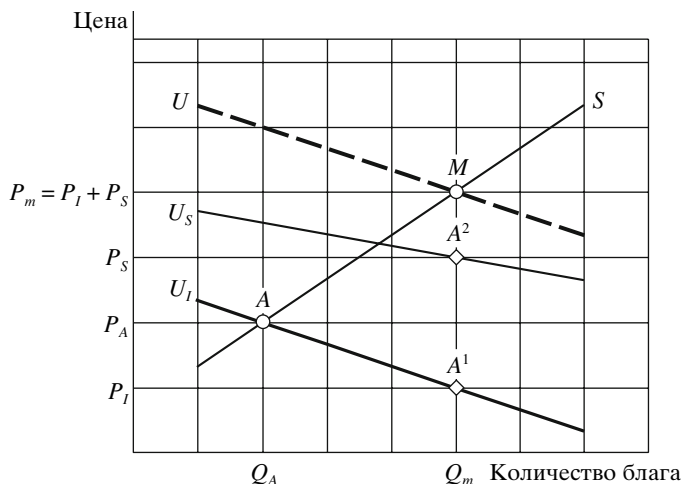

Рис. 1. Равновесие Линдаля для рынка опекаемых благ.

их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный интерес $U_I = f(U^1, U^2 \dots U^K)$ дополняет нормативный интерес общества U_S в отношении этого же блага, ставшего предметом опеки, то само благо Q приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов из множества K , оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей интересов $U_I(Q)$ и $U_S(Q)$.

Из данной леммы следует, что общественная опека частного блага порождает его социальную мутацию: для агрегированных рыночных игроков – мегаиндивидуума и меритора, оно превращается в общественный товар. Именно этот результат, собственно, и позволяет построить модель Викселля–Линдаля применительно ко всему классу опекаемых благ. Совокупный спрос на опекаемое благо $U(Q)$ в этой модели определяется путем вертикального суммирования кривых агрегированного спроса мегаиндивидуума $U_I(Q)$ и меритора $U_S(Q)$, а Парето эффективное равновесие для данной пары игроков, имеющих персональные интересы в отношении опекаемого блага Q , реализуется в форме равновесия Викселля–Линдаля (см. рис. 1).

Приведенный рисунок наглядно демонстрирует, что в точке равновесия M , где пересекаются кривые предложения S и совокупного спроса U , мегаиндивидуум и меритор приобретают одинаковое количество блага Q_m по “персонифицированным ценам Линдаля”: P_I и P_S . При этом мегаиндивидуум предъявляет спрос на благо Q в объеме $P_I Q_m$, а меритор – в объеме $P_S Q_m$. Поэтому в точке равновесия выполняется равенство $S(Q_m) = P_I Q_m + P_S Q_m$.

Следует отметить, что в предложенной модели, базирующейся на социодинамическом принципе комплементарности полезностей, цены равновесия, отличаясь от базовой модели Викселля–Линдаля, имеют разную природу⁷. В основе персонифицированной цены мегаиндивидуума (P_I) лежит предельная индивидуальная полезность частного блага Q ; цена, оплачиваемая меритором (P_S), также соответствует пре-

⁷ Напомню, что в трактовке самого Линдаля, в основании которой лежит принцип методологического индивидуализма, речь идет о совокупности граждан, приобретающих одинаковое количество общественного блага, но по разным ценам. При этом все эти цены, будучи налоговыми взносами индивидуумов, имеют одну и ту же природу.

дельной, но уже социальной полезности общественного блага Q и отражает ту часть бюджетных ресурсов меритора, которая расходуется на реализацию социального интереса U_S .

Условия равновесия. Сформулирую общий вывод. В обобщенной версии равновесия с учетом того, что на рынке одновременно оперируют индивидуальные субъекты с присущими им предпочтениями $U^1, U^2 \dots U^K$ и действующее от лица общества государство, стремящееся реализовать выявляемые политической системой общественные предпочтения U_S , равновесие достигается лишь тогда, когда предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага. Иначе говоря, построенная модель устанавливает связь между появлением общественного интереса в отношении частного товара или услуги, его превращением в опекаемое благо и изменением стандартных условий равновесия посредством добавления еще одной составляющей, отражающей расходы государства – меритора, направленные на реализацию данного интереса.

Собственно это и есть общее решение для любых разновидностей рынков опекаемых благ. Дело в том, что возникновение социального интереса изменяет конфигурацию равновесия – совокупность его участников. Так, появление среди субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать функцию социальной полезности, в состав которой входят различные виды опекаемых благ, приводит в действие один и тот же экономический механизм, сопровождающий государственную активность. Речь идет об обмене бюджетных средств на социальную полезность, извлекаемую посредством реализации общественного интереса U_S .

Следует обратить внимание на использованный выше термин “появление” применительно к общественному интересу. Этим я хотел подчеркнуть динамический характер данной категории. Действительно, в общем случае надо говорить о процессах возникновения и исчезновения социального интереса. Это следует из самой природы рассматриваемого феномена: всегда можно представить такие социально-экономические и политические условия и такие, вызванные этими условиями, ценностные суждения и нормативные установки, когда их достижение потребует наделять социальной полезностью, то есть способностью удовлетворять соответствующий социальный интерес, любой товар или услугу, превращая их в опекаемое благо. Подобная связь указывает на *историчность* и *эволюционный* характер класса опекаемых благ. Отказ от прежних целевых установок и появление новых задач приводят к тому, что одни блага утрачивают способность удовлетворять общественные интересы, другие же, наоборот, ее приобретают [Рубинштейн, 2008, с. 113–143].

Рынки опекаемых благ

Как показал теоретический анализ, наиболее общее описание рынков опекаемых благ предлагает экономическая социодинамика, опирающаяся на парадигму комплементарности индивидуальной и социальной полезности, допускающую существование общественных предпочтений наряду с предпочтениями индивидуумов. В рамках этой концепции определены:

- адекватный критерий принадлежности товаров и услуг к классу опекаемых благ – наличие их социальной полезности U_S ;
- универсальный мотив общественной опеки – максимизация функции социальной полезности $\max f(U_S)$;
- условия равновесия – равенство предельных издержек сумме предельной индивидуальной и предельной социальной полезности опекаемого блага $MC_R = MU_I + MU_S$.

При этом речь идет именно об общем экономическом описании рынка опекаемых благ, из которого нетрудно вывести частные характеристики рассмотренных выше локальных рынков этих особых товаров и услуг, находящихся под общественной опекой.

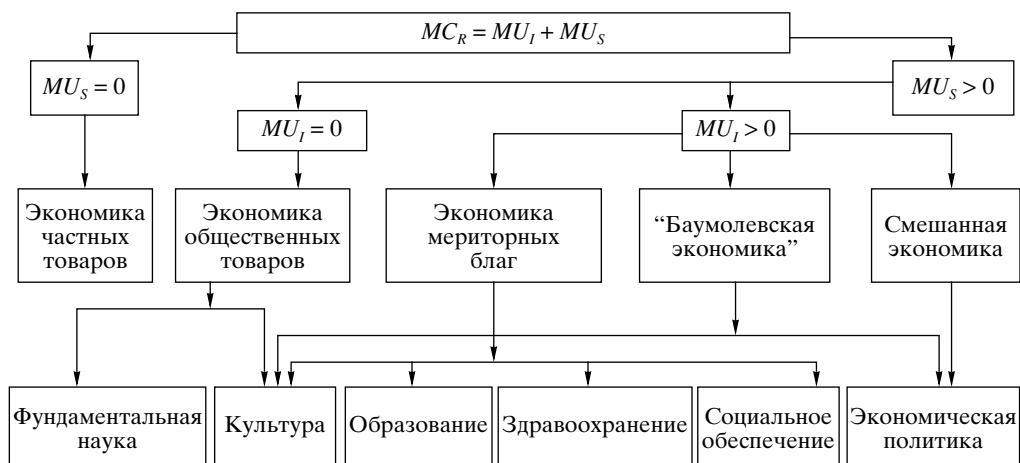

Рис. 2. Классификация рынков опекаемых благ.

Классификация рынков опекаемых благ. Рассмотрим с этой целью схему, представленную на рисунке 2. Принимая те или иные исходные предпосылки, можно определить частные условия для соответствующих разновидностей рынка опекаемых благ. Так, в случае отсутствия интереса в общественных товарах со стороны индивидуумов, страдающих “болезнью фрирайдерства” ($MU_I = 0$), бюджетные расходы, связанные с производством опекаемых благ, определяются социальной полезностью данного блага ($MC_R = MU_S$). В ситуации рыночных провалов, продуктов “баумолевской экономики” и мериторных благ, подпавших под общественную опеку, затраты государства определяются комбинацией индивидуальной и социальной полезности блага ($MC_R = MU_I + MU_S$). В случае прекращения общественной опеки ($MU_S = 0$) и трансформации блага в обычный частный товар затраты на производство этого блага устанавливаются на основе стандартных условий равновесия ($MC_R = MU_I$).

Следует подчеркнуть, что объект рынка опекаемых благ – большинство товаров и услуг социального сектора экономики. В частности, основная масса результатов фундаментальной науки, принадлежащих по своим характеристикам к группе общественных товаров и обладающих социальной полезностью, могут обмениваться на рынке опекаемых благ, исходя из равенства $MC_R = MU_S$. Такая же “судьба” характерна для части культурных благ (например, сохранение памятников культуры). При этом результаты культурной деятельности выступают еще в двух номинациях опекаемых благ. Будучи мериторными благами (например, услуги библиотек) и продуктами “баумолевской экономики” (например, театральные услуги), они обмениваются на рынке с учетом государственных субсидий производителям этих товаров и услуг, исходя из равенства $MC_R = MU_I + MU_S$.

На основе этого же равенства происходит обмен большинства опекаемых благ, производимых в отраслях образования, здравоохранения и социального обеспечения, которые по природе своей также принадлежат группе мериторных товаров. И наконец, результаты экономической политики, связанные с устранением рыночных провалов, обеспечением макроэкономической стабильности, осуществлением структурной политики и развитием производства инновационных продуктов, также оказываются объектом общественной опеки, предполагающей бюджетные субсидии, удовлетворяющие приведенному выше равенству $MC_R = MU_I + MU_S$. Нетрудно заметить, что во всех рассмотренных выше случаях, представляющих различные модификации рынка опекаемых благ, присутствует одна компонента, которая вы-

зывает постоянные споры среди экономистов. Речь идет о бюджетных субсидиях производителям, о законности подобных интервенций государства.

Вновь о субсидиях производителям. В данном контексте имеет смысл вернуться к статье С. Шаталина [Шаталин, 1986], который продолжил дискуссию, начавшуюся с известной работы Т. Заславской “Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость”. В указанной статье, наверное, впервые в отечественной литературе был поставлен вопрос о повышении цен на дотируемые товары и услуги, в результате отмены субсидий производителям при “одновременном возвращении всей суммы дополнительных платежей населения государству через соответствующее повышение уровня зарплаты, пенсий, стипендий и т.п.” [Заславская, 1986, с. 18]⁸.

Фактически повторяя данную рекомендацию, Шаталин пишет: “...повышение цен на мясные продукты – безусловно, полностью компенсируемое группам населения, особенно с низкими доходами, – существенно улучшило бы ситуацию на потребительском рынке, создало бы более обоснованный спрос на разные виды товаров, нормальные условия хозяйствования для производителей” [Шаталин, 1986, с. 67]. Никак не комментируя слова “полностью компенсируемое”, имеет смысл более подробно остановиться на целесообразности самой замены субсидий производителям денежными компенсациями населению.

Если статьи Заславской и Шаталина очистить от “информационного шума”, связанного с фразеологией тех лет, то останется то, что является каноном неоклассической теории. Субсидии производителям (субвенции) – есть зло, чреватое чистыми потерями благосостояния (см. рис. 3). На приведенном рисунке, который в различных модификациях присутствует в самых разных публикациях, в том числе и в настоящей работе (см. рис. в статье 1 данной работы), нетрудно заметить, что в рамках парадигмы методологического индивидуализма субсидии производителям опекаемых благ, действительно, порождают потери благосостояния dB . Они оцениваются разностью между размером этих субвенций M_S и ценовым возвратом налогов потребителям dN^9 . Указанный вывод вытекает из того, что в рамках методологического индивидуализма не могут быть оценены никакие другие результаты, кроме тех, что нашли отражение в приросте благосостояния индивидуумов. Поэтому

$$dB = M_S - dN. \quad (1)$$

Совершенно иная ситуация возникает при трактовке субвенций производителям опекаемых благ с позиций социодинамического принципа комплементарности полезностей (см. рис. 4). В соответствии с этой парадигмой государство – рыночный игрок, максимизирующий социальную полезность U_S и предъявляющий денежный спрос на опекаемое благо в размере M_S , который увеличивает совокупный спрос до уровня кривой U . С учетом ценового возврата налогов dN в результате снижения цен, вызванного ростом объемов производства опекаемого блага, можно определить инвестиционную составляющую государственных субвенций. Она также оценивается разностью между размером этих субвенций и ценовым возвратом налогов потребителям:

$$dU_S = M_S - dN. \quad (2)$$

Понятно, что отличие формул (1) и (2) заключается лишь в содержательном наполнении разности между размером субвенций и ценовым возвратом налогов. В од-

⁸ Здесь и далее эта статья цитируется по публикации в Интернете 2002 г. (www.msses.ru/tiz/3.pdf).

⁹ Говоря о ценовом возврате налогов dN , я имею в виду тот потребительский излишек, который возникает у потребителей в связи со снижением цены блага с p_0^I до p_m^I . При этом термин “возврат” употребляется в том смысле, что в основе субсидий лежат бюджетные средства государства, собранные посредством налогов.

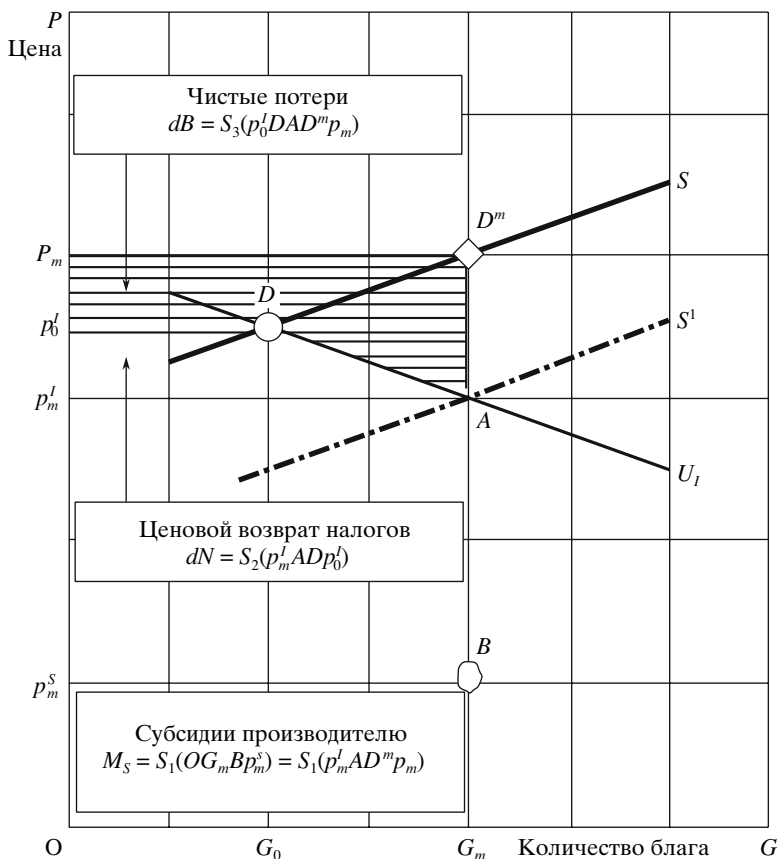

Рис. 3. Парадигма методологического индивидуализма.

ном случае это безвозвратные потери, в другом – затраты, связанные с реализацией социального интереса в отношении уровня потребления опекаемых благ. И тот и другой вывод опирается на соответствующие исходные предпосылки. В данном контексте осуждаемые неоклассической теорией субсидии производителям опекаемых благ, связанные с устранением ошибок рынка, развитием производства продуктов “баумолевской экономики”, преодолением “фрирайдерства”, мериторной коррекцией поведения индивидуумов и т.п., в среде экономической социодинамики становятся абсолютно легитимным инструментом.

Не следует думать, однако, что снятие “микроэкономического проклятья” и теоретическое оправдание субвенций превращают данный инструмент в единственно правильную форму общественной опеки. Это далеко не так. Результаты исследований и экономическая практика демонстрируют различные формы государственной активности. Речь идет о субвенциях и многочисленных видах льгот из арсенала политики налогового протекционизма в отношении производителей опекаемых благ, о всевозможных талонах, карточках, денежных трансфертах и многих видах льгот для потребителей этих товаров и услуг, о “режимах благоприятствования” и льготах для посредничающих организаций, наконец, об институтах, формирующих дружественную среду для производства и потребления опекаемых благ. Выбор в пользу того или иного способа “платы” за реализацию не выявляемого рыночным путем социального интереса не должен иметь идеологического налета. Приведу в связи с этим

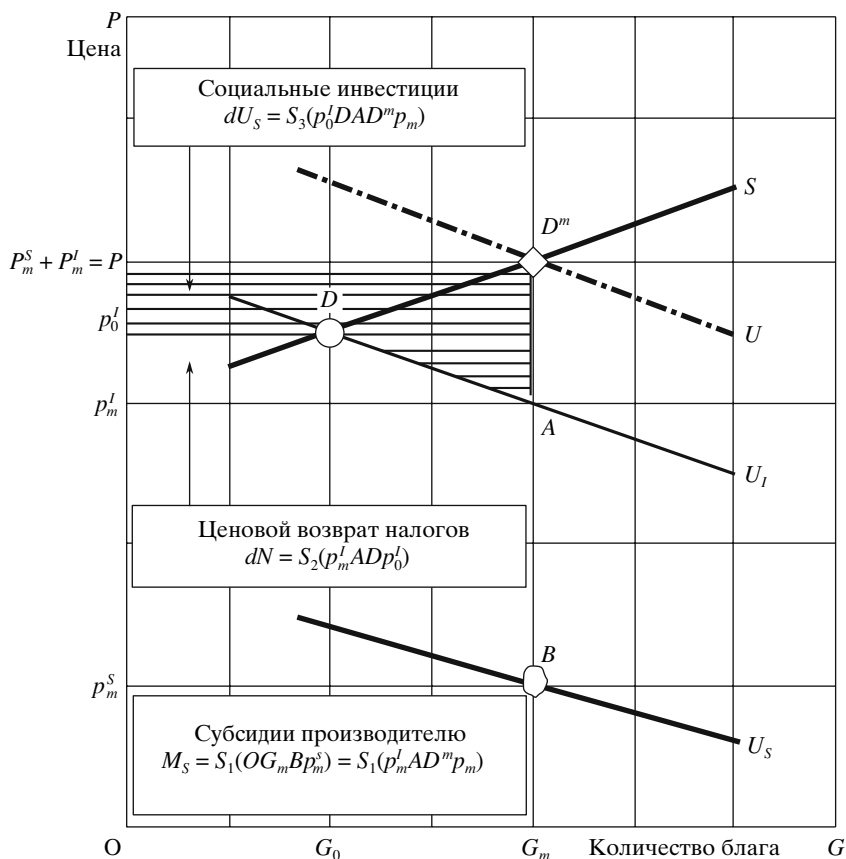

Рис. 4. Парадигма комплементарности полезностей.

ряд теоретических соображений, обуславливающих селекцию инструментов государственной активности на рынках опекаемых благ.

Трансферты, социальные карточки, субвенции. Осуществляя мероприятия общественной опеки, государство, как уже отмечалось, может воспользоваться довольно широким набором средств, которые сводятся к трем базовым инструментам. Во-первых, речь идет о наиболее типичном рыночном рецепте, то есть о денежных трансфертах, позволяющих поднять уровень дохода индивидуумов и тем самым создать предпосылки для увеличения потребления опекаемого блага. Укажу и на присущий данному инструменту очевидный риск. Реализуя свободу выбора, индивидуум может израсходовать средства трансферта на другие цели, не связанные с опекой данного блага.

Во-вторых, для сокращения нецелевого использования трансфертов применяются так называемые социальные карточки и талоны, предоставляющие возможность приобретения опекаемого товара или услуги по льготным ценам или бесплатно. Этот вид социальной защиты также направлен на создание условий для роста потребления опекаемого блага. Однако, как свидетельствует опыт ряда стран, такие карточки и талоны становятся часто объектом купли-продажи, что также сохраняет риски нецелевого использования общественных средств.

В-третьих, речь идет о субвенциях (дотациях) товаропроизводителям, которые с одной стороны, создают предпосылки для снижения цен на опекаемое благо и тем

самым для расширения зоны его ценовой доступности, с другой – устраняют возможность нецелевого использования общественных средств потребителями этого блага. Вместе с тем и данный инструмент не свободен от недостатков. Дело в том, что дотационное снижение цен на опекаемое благо не только увеличивает его доступность для “бедных”, но и приводит к экономии затрат “богатых”. Иначе говоря, и в этом случае не все выделенные средства (субвенция) расходуются на реализацию общественного интереса. Часть этих средств оседает у состоятельных потребителей данного блага, в виде уже упоминавшегося ценового возврата налогов (см. рис. 3 и 4).

Таким образом, у всех из перечисленных механизмов государственной активности есть свои недостатки. Как показали исследования, форма общественной опеки тех или иных товаров и услуг сильно зависит от конкретных обстоятельств и размеров опекаемых групп населения [Гринберг, Рубинштейн, 1992, с. 43–44; Рубинштейн, 2008, с. 53]. Остановлюсь в связи с этим на двух крайних случаях, наиболее ясно демонстрирующих эту зависимость.

Начну с ситуации, когда опекаемая по данному благу “группа бедных” представляет собой лишь весьма незначительную часть граждан, поведение которых фактически не влияет на устойчивость экономики. В силу небольших размеров этой группы адресные трансферты и/или социальные карточки позволяют обеспечить необходимую защиту данной части населения, не опасаясь каких-либо существенных сдвигов в структуре потребления даже в случае нецелевого использования общественных средств. Поэтому наиболее эффективной формой общественной опеки здесь выступает именно трансфертный механизм.

Принципиально иная ситуация складывается, когда индивидуумы с недостаточным доходом составляют значимую часть населения и их воздействие на жизнь общества приобретает ощутимые масштабы. Собственно, тогда и происходит трансформация индивидуальных потребностей теперь уже многочисленных “бедных” в общественную потребность, демонстрируя известный социальный феномен: общественная опека – это выражение инстинкта самосохранения общества. В указанных обстоятельствах стремление использовать стандартный рыночный инструментарий – адресные трансферты или социальные карточки – может привести к негативным последствиям. О них следует сказать специально.

Во-первых, более чем вероятный факт нецелевого использования общественных средств не позволяет надеяться на выход индивидуумов из “зоны бедности” по опекаемому благу. Во-вторых, существует реальная опасность того, что трансферты, потраченные не по назначению, приведут к структурным сдвигам в потреблении: увеличив спрос на ряд товаров и услуг, такие трансферты могут породить новых “бедных” уже по другим благам. В-третьих, по мере роста числа получателей трансфертов и увеличения суммы выплачиваемых средств возрастает опасность раскручивания порочной спирали “цены–доходы–цены”.

При этом столь нелюбимые “радикальными рыночниками” субвенции производителям могут в данных обстоятельствах успешно справиться с задачей социальной защиты, выступив одновременно и как мощный антиинфляционный фактор. Дело в том, что сами субвенции производителям приводят в действие другой известный механизм, стимулирующий появление новых производителей и увеличение производства соответствующих благ. Рост их предложения создает предпосылки для снижения цен на опекаемые блага, расширяя зону ценовой доступности и обеспечивая включение индивидуумов, ставших объектом социальной защиты, в общую совокупность их потребителей.

Ясно и другое. При таком механизме общественной опеки не возникают и непредсказуемые импульсы, возмущающие сложившиеся уровни цен по другим товарам и услугам. Хотя и в данном случае, как уже отмечалось, следует считаться с тем, что часть общественных средств, потраченных на субвенции производителям, трансформируется в экономию затрат “богатых” потребителей опекаемых благ. Поэтому механизм субвенций производителям следует применять в комбинации с прогрессив-

ным налогом на доходы физических лиц. В этом случае налоговая прогрессия позволит вернуть обществу субвенционный эффект экономии затрат “богатых”.

В целом же выбор того или иного инструмента общественной опеки, эффективной комбинации этих инструментов зависит от множества конкретных обстоятельств. Успешность такого выбора зависит не только от добросовестности и искусства управления людей, принимающих соответствующие решения, но и от их знаний, формируемых современной экономической теорией.

Завершая разговор о дискуссии 1980-х гг., отмечу, что рекомендации Заславской и Шаталина в значительной степени были обусловлены имевшим место в то время дефицитом большинства продуктов питания и неравными возможностями их потребления по низким ценам различными группами населения. Таковы были конкретные обстоятельства последних лет существования плановой экономики. В этих условиях отмена субсидий производителям и повышение цен на мясные продукты с одновременной выплатой денежной компенсации неимущим рассматривались указанными авторами, главным образом, как мера, направленная на обеспечение справедливости распределения ограниченных продуктов питания. Что называется “бытие определяет сознание”.

При этом нет оснований полагать, что в условиях рыночной сбалансированности спроса и предложения введение института общественной опеки и субсидий производителям может привести к неравенству возможностей потребления опекаемого блага. Общественная опека – тот институт, который увеличивает объем потребления и расширяет круг потребителей опекаемого блага. Поэтому при сбалансированности увеличенного спроса (с учетом спроса со стороны государства) и увеличенного предложения (с учетом субсидий производителям) замена субсидий производителям на эквивалентные (если, действительно, эквивалентные) трансферты потребителям может быть оправдана лишь тогда, когда речь идет об очень небольших, маргинальных, группах населения.

* * *

Теория рынков опекаемых благ – не только общий подход, позволяющий соединить воедино разбросанные по разным теоретическим конструкциям экономические описания специфических рынков товаров и услуг и найти универсальные ответы в отношении признаков этих благ, мотивации их общественной опеки и экономических механизмов ее осуществления. Не менее важной стороной данной теории являются ее прикладные аспекты, несколько в иных тонах освещающие закономерности функционирования общественного сектора и непосредственно государственную активность, указывающие на необходимость принципиального пересмотра основ социальной политики.

Дело в том, что сама парадигма индивидуализма, лежащая в основе неоклассической теории, подталкивает к “невыгодной” для социальной сферы интерпретации бюджетных расходов в традициях государства-мецената. Это следует из двух положений. Во-первых, из принципа методологического индивидуализма, предполагающего, что любые результаты находят отражение лишь в изменениях благосостояний индивидуумов. И во-вторых, из уже упоминавшегося вывода о том, что субсидии производителям чреваты потерями благосостояния. Опираясь на эти положения, государство (а точнее – чиновники, действующие от имени государства) стремится, во-первых, сократить затраты бюджета на социальную сферу, рассматривая их как безвозвратные расходы и ненужное бремя и, во-вторых, если уж приходится финансировать некоторые стороны общественной жизни, то, извлекая своего рода “ренту местоположения”, оно начинает вести себя в духе мецената, забывая о том, что расходуются не личные, а общественные средства.

В этом смысле теория рынков опекаемых благ предлагает “дружественное” в отношении социальной сферы решение указанных проблем. Во-первых, в соответ-

ствии с принципами экономической социодинамики она позволяет выявить и такие позитивные результаты, которые не находят отражение в индивидуальных благосостояниях. И во-вторых, данная теория “восстанавливает в правах” важнейший инструмент института общественной опеки – субсидии производителям. Иная интерпретация этой экономической категории, с учетом стремления государства максимизировать функцию социальной полезности, превратила такие бюджетные затраты из безвозвратных расходов в необходимые социальные инвестиции, обеспечивающие экономический рост.

Результаты предложенной теории свидетельствуют о том, что государство не должно расходовать общественные ресурсы, имитируя поведение мецената. Будучи важнейшим институтом общества, оно выступает в качестве “ответственного” за коллективные интересы, реализация которых предполагает опеку некоторых товаров и услуг. Причем речь идет именно об общественном институте, а не о персонифицированном субъекте, принимающем “государственные решения”. И в этом смысле расходы государства никак нельзя рассматривать в виде безвозвратных затрат бюджета. Удовлетворение специфических потребностей общества, реализация его социальных установок, включая существующие этические нормы справедливости, – это и есть та отдача, которая превращает государственные расходы в социальные инвестиции, несмотря на то, что не все общественные интересы можно (да и нужно ли?) выразить в терминах экономического роста. Один из важнейших практических выводов предложенной теории – необходимость модернизации социальной политики, основанной на переходе от “государства-мецената” к “государству-инвестору”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России. 1998. № 2.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Социальная экономика: введение в новую аксиматику // Российский экономический журнал. 1997. № 1.
- Гринберг Р., Рубинштейн А.* Трудности рыночной адаптации: цены, доходы, социальная защита // Общественные науки и современность. 1992. № 5.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М., 2000.
- Заславская Т.И.* Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
- Рубинштейн А.Я.* Группы и их интересы: приглашение к дискуссии // Вопросы экономики. 2006. № 11.
- Рубинштейн А.Я.* Общественные интересы и теория публичных благ // Вопросы экономики. 2007. № 11.
- Рубинштейн А.Я.* Структура и эволюция социального интереса. М., 2003.
- Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. СПб., 2008.
- Рубинштейн А.Я.* Экономика социального сектора: проблемы теории // Экономическая наука современной России. 2005. № 2.
- Шаталин С.С.* Социальное развитие и экономический рост // Коммунист. 1986. № 14.
- Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Berlin–New York, 2005.
- Grinberg R., Rubinstein A.* Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates. Köln, 1999.
- Lindahl E.* Die Gerechtigkeit der Besteuerung. Lund, 1919.
- Olson M.* Toward a More Theory of Governmental Structure. Budget Reform and of Theory of Fiscal Federalism // AEA Papers and Proceedings. 1986. May. Vol. 76. № 2.